

Заключение

В новейшей демографической истории России с начала 1990-х годов сформировалась и преобладает тенденция сокращения численности населения, которая лишь на относительно короткое время прерывалась периодом едва заметного роста.

На начало 2020 г. численность постоянного населения России составила, по оценке Федеральной службы государственной статистики (Росстата), 146,7 млн человек, сократившись с 1993 по 2020 г. на 1,9 млн, а в неизменных границах 1993 г. — на 4,2 млн человек. За этот период численность населения России корректировалась по итогам Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., а в 2014 г. увеличилась после возвращения Крыма в состав Российской Федерации.

Уменьшение численности населения России вызвано устойчивой тенденцией естественной убыли (только в 2013–2015 гг. отмечался незначительный естественный прирост). Миграционный прирост в последние десятилетия противостоял естественной убыли населения, но, как правило, его величины было недостаточно, чтобы перекрыть негативный естественный прирост. Только в 2009–2017 гг. миграционный прирост смог компенсировать временное сокращение естественной убыли, благодаря чему за этот восьмилетний период население страны немного увеличилось.

Главная причина неуклонно сохраняющейся тенденции естественной убыли и, соответственно, сокращения численности населения России — уровень рождаемости, который, как и в подавляющем большинстве промышленно развитых стран, свидетельствует о том, что каждое новое поколение россиян не воспроизводит себя в детях, что делает невозможным естественный прирост населения ни в одной стране. Суженный режим замещения поколений характерен для всех когорт россиян, родившихся после 1910 г., т.е. на протяжении столетия, или трех сменивших себя поколений, если, как это делают демографы, считать среднюю длину поколения около 30 лет. Поэтому, во-первых, не стоит удивляться превалированию негативных тенденций в демографическом росте страны, а во-вторых, не следует надеяться на появление этого роста, пока замещение поколений не станет положительным.

В соответствии с прогнозами ООН, круг стран с естественной убылью населения будет быстро расширяться, и уже к середине века в Европе едва ли останутся страны с положительным естественным приростом (надежды на небольшой прирост сохраняются только для Норвегии и Швеции).

Итак, тенденции рождаемости в России, как и во всех развитых странах, указывают на то, что в обозримой перспективе достигнуть положительного демографического баланса за счет естественного прироста населения едва ли возможно. Когда-то снижение смертности, особенно значительное в младенческих и детских возрастах, способствовало нейтрализации негативного эффекта снижения рождаемости, но сейчас резервы снижения смертности в этих возрастах почти исчерпаны. Население всех развитых стран формируется из изначально «недовоспроизведенных поколений» (т.е. поколений, не обеспечивших себе численно равную замену), и в этих условиях положительный демографический баланс для них возможен только за счет более или менее весомого положительного миграционного прироста.

С 1990-х годов Россия накапливает опыт использования миграционного притока как источника пополнения численности населения страны, его экономически активной части. Международные мигранты и их семьи неуклонно повышают вклад в число российских браков, рождений и смертей. Однако нужно отдавать отчет, что даже в условиях «миграционного взрыва» в 1990-е годы, последовавшего за распадом СССР и вызвавшего огромную волну репатриационной миграции выходцев из России (к примеру, в 1994 г. миграционный прирост составил около 1 млн человек), полностью компенсировать естественную убыль населения не удалось. Тем не менее миграционный ресурс — единственная возможность в обозримом будущем ослабить неизбежную естественную убыль и поддерживать как общую численность населения России, так и численность населения в большинстве ее регионов. К сожалению, в условиях фактического закрытия границ между многими странами по причине пандемии COVID-19 миграционный прирост населения России в 2020 г. быстро падал и, видимо, продолжит снижение и в 2021 г., что предопределяет сокращение численности населения в значительных размерах.

Представленная выше коллективная работа расширяет информационное пространство для принятия государственных решений в области демографической, семейной и миграционной политики, акцентируя внимание на характерные особенности новейших тенденций, имевших место в России на протяжении последних трех десятилетий, в более широком историческом и международном контексте. Особое внимание уделено двойному представлению тенденций в демографических и миграционных процессах — показателям и структурным характеристикам этих процессов, измеренным одновременно с учетом как шкалы календарного времени (год от года), так и шкалы годов рождения россиян (от поколения к поколению). Изучение демографии российских поколений дает более выверенный ответ на главный вопрос о направленности долгосрочных тенденций, позволяет более взвешенно подходить к результатам проводимой социально-демографической и миграционной политики и к оценке эффективности отдельных мер этой политики и принимаемых законодательных решений.

В первом разделе подробно рассматривается изменение численности населения России и определяющих его компонент в последние десятилетия на международном фоне, а также анализируются результаты прогнозов ООН, выполненных для России и других стран в различные годы. Результаты расчетов всех пересмотров, начиная с 2010 г., демонстрируют устойчивость и долговременность тенденции естественной убыли, хотя и предсказывают более умеренную естественную убыль населения России, сокращающуюся к концу века. Волнообразность изменения темпов естественной убыли будет по-прежнему отчетливо себя проявлять ввиду волнообразной деформации возрастной структуры населения. Специальный раздел посвящен особенностям российской модели постарения населения на базе наиболее передовых методологических подходов. Главный вывод сводится к тому, что вероятность дожить до пенсии у российских мужчин еще слишком низка и ее повышение в последние годы не дает оснований для изменения пенсионного возраста. В частности, пенсионная граница в 65 лет, установленная для мужского населения в России, слишком высока, в отличие от стран, более продвинутых в снижении преждевременной смертности. Однако при такой границе ныне действующая государственная пенсионная система при исключительно фискальном

подходе приобретает повышенную устойчивость, так как 1/3 пенсионных взносов остается невостребованной.

Второй и третий разделы посвящены российским особенностям формирования семьи: меняющиеся параметры брачно-партнерских отношений и репродуктивного поведения рассматриваются под углом зрения опыта послевоенных поколений россиян. Важным результатом проведенного исследования стало выявление факта, что гендерные различия сильнее обуславливают матримониальное поведение и рождение первого ребенка, чем поколенческие. С другой стороны, в последние десятилетия композиция матримониальных и репродуктивных событий у россиян в возрастах до 25–30 лет и после претерпела огромные перемены, меняясь от поколения к поколению в сторону большего разнообразия сценариев и практик.

Результаты нашего исследования показывают, что, несмотря на то что брак до сих пор остается наиболее распространенной формой союза в России, популярность «прямого» брака как формы первого брачно-партнерского союза начала снижаться в 1970-е годы и окончательно пошатнулась в 1980-е, все больше и больше уступая место бракам, заключенным после периода сожительства, и сожительствам без регистрации. Браки, заключенные после сожительства, менее крепкие в России, как и в других странах. Однако этот вывод однозначно верен для когорты союзов россиян, сформированных до 1989 г. Доля распавшихся первых браков в когорте 1990–1999 гг. не превышает таковую в когорте прямых браков, заключенных в этот же период. Таким образом, с одной стороны, век прямого брака без предварительного периода совместной жизни подходит к концу, но с другой — как показывают новейшие российские данные, это может положительно сказаться на стабильности российских браков, в частности снизив риски развода по причине несовместимости характеров и взглядов.

Четвертый раздел книги акцентирует внимание на одновременном рассмотрении изменений итоговой рождаемости для условных поколений (календарных лет) и реальных поколений (по году рождения женщин). Показано, что с середины 1990-х годов эволюция рождаемости перешла в новую фазу. Когорты 1970-х и более поздних годов рождения, в отличие от предшественников, ведут себя иным образом в матримониальной и репродуктивной

сферах. Это проявляется не столько в отношении общего уровня итоговой рождаемости, сколько в структурных изменениях модели деторождения. Поколения 1970—1990-х годов рождения меняют возрастной профиль рождаемости и календарь рождений как в ответ на временные изменения в экономической и политической конъюнктуре, включая изменения в семейно-демографической политике, так и, что более важно, под более общим влиянием долгосрочных, фундаментальных изменений в обществе в постиндустриальную эпоху.

Влияние мер текущей политики российского государства по стимулированию рождаемости, стартовавших после 2006 г., едва ли выражается более чем в 0,07—0,08 рождения в расчете на одну женщину в терминах итоговой рождаемости реальных поколений, а в соответствии с более ответственным подходом — в еще более скромной величине не более 0,05 рождения.

На ближайшие одно-два десятилетия можно с большой уверенностью ожидать, что средний уровень рождаемости в России будет колебаться в пределах 1,5—1,8 рождения в расчете на одну женщину условного поколения и в еще более узких пределах 1,6—1,75 рождения для поколений, родившихся во второй половине 1980-х — первой половине 1990-х годов, — к 2020 г. эти когорты были в возрастах от 25 до 35 лет, т.е. в возрастах наиболее активного деторождения. Несмотря на возможные изменения экономических и социально-политических условий их жизнедеятельности в предстоящие одно-два десятилетия, вариация ожидаемых итоговых репродуктивных результатов с учетом тенденций рождаемости, наблюдаемых в последние полтора десятилетия, останется в указанных пределах.

В этом же разделе анализируются грандиозные изменения во внутрисемейном контроле рождаемости, произошедшие за три постсоветских десятилетия. Он однозначно стал более эффективным в отношении планирования беременностей и появления желанных детей в желательные сроки: на смену так называемой абортной культуре пришло современное планирование семьи — россияне стали чаще использовать эффективные методы контрацепции. Грамотность россиян в вопросах предупреждения беременности и доступность контрацептивов значительно повысились. Аборт не исчез полностью, но он сохранился как «пожарная» мера,

к которой прибегают в случае сбоя контрацепции. Можно сказать, что Россия пережила «контрацептивную революцию», которая происходила в западных странах в 1960–1970-е годы и была связана с появлением новых технологий предотвращения беременности (оральных гормональных контрацептивов, внутриматочных спиралей и новых методов стерилизации). Современные методы контрацепции не только вытеснили аборт, но и открыли возможность парам более уверенно планировать важные события своей жизни не только в репродуктивной, но и в образовательной и трудовой сферах.

При этом в России отсутствуют государственные программы планирования семьи, обязательного или факультативного сексуального образования в учебных заведениях, нет и компенсации расходов на контрацептивы. Антиабортная пропаганда, имеющая мощную институциональную поддержку со стороны государства и церкви, в последние десятилетия едва ли имеет большое значение в динамике искусственных прерываний беременности. Ведущим фактором в снижении распространенности аборта выступает не уменьшение числа желающих их делать (таких всегда было подавляющее меньшинство), а получение доступа к эффективным средствам избежать нежелательной беременности. Более того, сторонников полного запрета аборт в российском обществе было и остается крайне мало.

Пятый раздел посвящен отражению семейной и демографической политики российского государства в зеркале опросов общественного мнения граждан РФ. Живущие сейчас поколения имеют разный опыт общения с системой семейной политики своей страны в свои активные репродуктивные годы. Цели и содержание этой политики за последние 30 лет постсоветской истории также несколько раз менялись. Опираясь на результаты исследований, проведенных различными организациями в России, авторы данного исследования указывают на принципиальный недостаток системы материнских капиталов, позиционирующейся в качестве основного способа повышения рождаемости, — эти деньги можно получить только один раз и только на одного из детей. В то время как системы семейной политики более успешных в этом отношении стран давно пришли к пониманию, что надо поддерживать рождение детей всех очередностей примерно одинаково. Только

в этом случае потенциальные родители видят, что рождение любого их ребенка приветствуется обществом, и складывается относительно гармоничная система семейной политики, ориентированная прежде всего на помощь семьям, но в то же время — на снятие барьеров в случае, если у них есть желание рожать больше детей.

Анализ использования материнских капиталов населением, а также изменений в репродуктивных намерениях показывает, что изменения в поведении поколений имеются, но они, во-первых, крайне незначительны и, во-вторых, противоречивы. Возможно, это связано с проблемными сторонами идеологии и подходов в самой политике, но, безусловно, нельзя исключить и влияние неблагоприятных социально-экономических обстоятельств последних десятилетий. Кроме того, можно предположить влияние этнокультурных, структурных сдвигов в российском населении, скрытых на сегодняшний день от наблюдения и/или недооцененных исследователями и разработчиками программ выборочных опросов населения.

В шестом разделе представлен углубленный анализ современных тенденций российской смертности, ожидаемой продолжительности общей и здоровой жизни как в историческом, так и в международном контексте. Исследование было выполнено в разрезе половозрастных групп населения российских регионов, а также по причинам смерти, в том числе акцентированно в отношении смертности от новообразований, ВИЧ и туберкулеза. Кроме того, представлены результаты изучения изменений смертности российского населения в разрезе периода, поколения и возраста.

Как известно, после середины 1960-х годов тенденции смертности и продолжительности жизни развитых стран и России были разнонаправленными. В результате к 1990 г. отставание Российской Федерации от развитых стран достигло у мужчин более 12 лет от Японии, 11 лет — от Швеции, 9 лет — от Франции и 8 лет — от США, а у женщин — соответственно 8, 6; 7; и 5 лет. В следующее десятилетие отставание России еще более увеличилось, особенно в 1993–1994 гг., когда показатель упал до минимальных значений после 1965 г. И только в начале 2000-х годов, а точнее, с 2004 г., в России стала отмечаться достаточно устойчивая положительная тенденция роста ожидаемой продолжительности жизни. Однако

достижения пока остаются весьма скромными. Как неоднократно указывалось, в последние годы в России рост ожидаемой продолжительности жизни в значительной части носит восстановительный характер, т.е. период между максимальным уровнем, отмечавшимся либо в середине 1960-х годов, либо во время антиалкогольной кампании 1985 г., и таким же уровнем, достигнутым в последний период роста ожидаемой продолжительности жизни у мужчин, — это 2013 г., а у женщин — 2009 г. Таким образом, на фоне почти полувекового периода стагнации реальный рост наблюдается всего в течение последних 6 лет у мужчин и 10 лет у женщин, а ожидаемая продолжительность жизни мужчин в 2019 г. выше, чем в 1965 г., всего на 3,68 года, а по сравнению с 1990 г. — на 4,49 года, а у женщин — соответственно на 4,88 и 3,87 года. В результате, несмотря на достижения последних лет в снижении смертности, Россия по уровню ожидаемой продолжительности жизни до сих пор значительно отстает от развитых стран, причем разрыв не только не уменьшается, а, напротив, растет. Так, в 2019 г. у российских мужчин ожидаемая продолжительность жизни была ниже, чем у мужчин в Японии и Швеции на 13 лет, во Франции — на 11 лет, в США — на 8 лет. У женщин разрыв немного меньше, но также весьма значительный: 9 лет — с Японией, 7 лет — с Францией, 6 лет — со Швецией и 3 года — с США.

Когортный анализ смертности помогает осознать глубину проблем российской смертности. Так, для поколений мужчин 1984–2013 годов рождения мы не наблюдаем позитивных тенденций, только в самых молодых поколениях 2000-х годов рождения в детских и юношеских возрастах до 15 лет отмечаются очевидные положительные сдвиги. Можно сказать, что с середины 2000-х практически во всех поколениях смерти стали происходить в более поздних возрастах, однако эта тенденция — не что иное, как возвращение к ранее достигнутым результатам, притом что полностью вернуться к значениям полувековой давности удалось не всем когортам.

Основной рост продолжительности жизни в целом с 1990 по 2019 г. связан с положительной динамикой смертности у мужчин и женщин от болезней системы кровообращения и внешних причин. В отношении динамики смертности от других классов и отдельных причин картина более мозаична. Но самое главное —

по смертности от ведущих причин отставание России от развитых стран практически не уменьшается.

Авторы вынуждены констатировать, что, несмотря на рост среднего возраста умерших от онкологических причин, отставание России от Японии и других развитых стран мира остается очень значительным. Например, средний возраст умерших от злокачественных новообразований желудка для всего населения России в 2019 г. составил 71,2 года, тогда как в большинстве развитых стран этот показатель, как правило, выше 75 лет. Средний возраст умерших от новообразований трахеи, бронхов и легкого, молочной железы, шейки матки в России сопоставим лишь со странами Восточной Европы. За период с 2000–2004 по 2010–2014 гг. пятилетняя выживаемость от некоторых онкологических нозологий (толстой кишки, прямой кишки, острого лимфобластного лейкоза) в России выросла, однако отставание от развитых стран по данному показателю остается существенным. Так, в Японии пятилетняя выживаемость от рака легкого составляет 32%, в Южной Корее и Израиле — около 25%, в среднем по странам ОЭСР — около 20%, тогда как в России — лишь 14%. Пятилетняя выживаемость при раке желудка в Японии и Южной Корее превышает 60%, в России — 21,9%, при раке молочной железы в США, Австралии, Японии, Исландии, Швеции — примерно 90%, в России — всего 70,8%.

Эпидемия ВИЧ-инфекции, начавшаяся в России в конце XX в., до сих пор остается одной из наиболее острых национальных социально-демографических проблем. Полученные результаты регионально-демографического анализа отчасти поддерживают утверждения специалистов, что одним из важных факторов роста распространенности и смертности от ВИЧ является наркотрафик: регионы России, в которых отмечается наиболее высокая смертность от ВИЧ, частично пересекаются с регионами, где изымается максимальное количество наркотических средств опийной группы. Это Москва, Кемеровская, Свердловская, Московская, Самарская, Челябинская, Омская, Иркутская, Новосибирская области и Еврейская автономная область. Но все же об однозначной тесной связи между двумя показателями — распространенностью наркотиков и смертностью от ВИЧ — говорить не приходится. Более того, с каждым годом доля новых случаев заболеваемости ВИЧ

среди потребителей наркотиков быстрыми темпами снижается, но это никак не сказывается на показателях смертности — стандартизованный по возрасту коэффициент смертности от ВИЧ растет.

Как показывают исследования, с одной стороны, смертность от ВИЧ не зависит от среднедушевых денежных доходов населения, инвестиций в здравоохранение и численности населения, получающего доход ниже величины прожиточного минимума, а с другой — с увеличением ВРП на душу населения, уменьшением количества человек с доходами ниже прожиточного минимума и ростом образованности региона число новых случаев заболевания ВИЧ-инфекцией только увеличивается. Таким образом, наличие связи между уровнем смертности и экономическим неблагополучием остается неоднозначным.

Седьмой раздел посвящен различным аспектам международной и внутренней миграции населения России, а также миграционному опыту послевоенных поколений россиян с учетом места жительства и направлений переездов.

Миграционный прирост населения России формируется при участии стран-доноров, все они принадлежат к постсоветскому пространству. Однако состав их претерпевал определенные изменения. В самом начале 1990-х годов Россия испытывала миграционную убыль не только со странами дальнего зарубежья, но и с Украиной и Белоруссией, однако уже к середине десятилетия Украина вошла в число основных миграционных доноров России, а обмен с Белоруссией стал достаточно паритетным, обеспечивая в отдельные годы то прирост, то убыль российского населения. В 1990-е годы основным миграционным донором России являлся Казахстан, однако впоследствии по мере сокращения потенциала репатриации из этой страны, а также постепенного выравнивания и роста уровня жизни населения масштабы нетто-миграции сократились. В начале и середине десятилетия статистически значимым был миграционный прирост со странами Балтии, однако уже к концу десятилетия он сошел практически на нет.

В 2000-е годы при общем сокращении миграционного прироста основными миграционными донорами России стали страны Средней Азии при сохранении значительного притока из Украины и стран Закавказья. Именно на данное десятилетие пришлось годы, в которые масштаб неучтенной миграции в Россию был наи-

более существенным, но принципиальных изменений позиций основных стран-доноров по сравнению с картиной, которую давал текущий учет миграции, не происходило.

Убыль населения России в миграции со странами дальнего зарубежья в 2000-е годы сократилась прежде всего по причине исчерпания потенциала этнической эмиграции и ужесточения требований в отношении иммигрантов со стороны Германии. Новая волна эмиграции, возникшая после этого, имела принципиально иные черты и очень плохо учитывалась статистикой все годы.

Можно констатировать, что миграционный прирост населения России испытывает медленный нисходящий тренд, основная причина которого — постепенное исчерпание потенциала репатриации в Россию из постсоветских стран. Приток временных трудовых мигрантов, часть из которых имеет намерение остаться в России на длительный срок или навсегда, не способен полностью компенсировать снижение репатриации, он более подвержен влиянию неблагоприятной социально-экономической ситуации и перманентных кризисов, в которых Россия пребывала в течение почти всего последнего десятилетия. Не стоит рассчитывать и на увеличение притока мигрантов из стран дальнего зарубежья: за три десятилетия, прошедших со времени распада СССР, Россия не приобрела среди этих стран ни одного устойчивого миграционного донора.

По абсолютным показателям миграционного прироста Россия уступает не только США, а с недавних пор и Германии и Великобритании, а в отдельные годы — Испании. Австралия, Канада, даже Турция имеют почти такой же миграционный прирост, как Россия, хотя население нашей страны существенно больше. Показатель интенсивности миграционного прироста населения России существенно ниже, чем во многих странах ОЭСР или Евросоюза.

Россия лидирует по абсолютному показателю миграционного прироста среди стран СНГ, но по его интенсивности на 1000 населения не сильно превосходит показатели Белоруссии. В условиях когда потенциал репатриации в страну почти исчерпан, определенным триггером миграции в Россию продолжает оставаться нестабильная обстановка в ряде соседних стран (например, в Украине), но рассчитывать, что волны миграции, подобные волнам 2014–2015 гг., могут быть продолжительными, не стоит. Дан-

ные события лишь окончательно подрывают потенциал межгосударственной миграции в будущем и сокращают число потенциальных миграционных доноров России.

Упрощение правил передвижения через границы и развитие рыночных отношений в России в 1990-х годах способствовали активному развитию трудовой миграции в Россию, в основном из стран СНГ. Однако численность этого потока плохо поддавалась официальному учету, большинство поездок не регистрировалось или выполнялось под видом туристических. Тем не менее даже учитываемые официальной статистикой масштабы исчислялись уже сотнями тысяч. Больше всего трудовых мигрантов приезжало из Украины (почти 1/3), Турции (14%), Китая (9%). Больше всего было занято в строительстве (56%), почти поровну — в сельском хозяйстве и в промышленности (10 и 9% соответственно), 6% — в торговле и 4% — на транспорте. Мало заметной была доля сферы услуг.

С начала 2000-х годов трудовая миграция, безусловно, становится самым массовым миграционным потоком в Россию. По оценкам, в этот период единовременное присутствие трудовых мигрантов из СНГ в России оценивалось в 3–4 млн человек. Потоки из Украины и Средней Азии были примерно равны и оценивались каждый в 1 млн человек, чуть больше составляла трудовая миграция из закавказских стран, стал заметным поток из Китая. Большая часть трудовых мигрантов въезжала в Россию на законных основаниях, однако почти 3/4 работали в стране без официального оформления. Сферы занятости мигрантов были практически те же, что и раньше, однако доля занятых в строительстве сократилась, а в торговле и услугах, в том числе в частных домохозяйствах, выросла.

В середине и конце 2000-х объемы трудовой миграции достигают еще больших цифр, по оценкам, около 4–5 млн в течение года, а в первые годы 2010-х и вовсе поднимаются до 6–7 млн. В целом общая численность трудовых мигрантов реагирует в первую очередь на экономические условия в России и посылающих странах, а официальная составляющая потока — в большей степени на изменения миграционного законодательства. К примеру, общее снижение численности трудовых мигрантов наблюдалось во время последних экономических кризисов 2009–2010 гг. и с конца 2014 г. — начала 2015 г. и, по оценкам, не превышало 15%, однако легальная составляющая потока сокращалась значительно сильнее. История послед-

них 15 лет однозначно показывает, что ужесточение миграционно-го законодательства приводило к сокращению легальной занятости иностранных работников, а либерализация — наоборот, к ее росту. По нашим оценкам, в 2019 г. иностранная трудовая миграция прибавляла к занятому населению России около 7%.

Доля выходцев из стран СНГ среди трудовых мигрантов непрерывно росла и в последние годы составляла не менее 92–93%, больше 2/3 этого потока — выходцы из трех стран Средней Азии — Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. С каждым годом среди трудовых мигрантов сокращается доля граждан Украины и Молдавии — жители этих стран все чаще едут на работу в европейские страны. В 2019 г. доля выходцев из Украины составила 8% (в 2018 г. — 9%), из Молдавии — 3,2% (в 2018 г. — 3,5%). Среди стран дальнего зарубежья наиболее заметен вклад Китая — 2,6% (в 2018 г. — 2,4%), далее в списке — Турция, Германия, Вьетнам, Сербия, Индия, но доля каждой из этих стран не превышает 1%.

Несмотря на декларируемое стремление к селективному отбору мигрантов для работы в России, радикально увеличить привлечение квалифицированных и высококвалифицированных специалистов не удастся. Всего за девять лет действия специальной программы разрешение на работу получили 230 тыс. высококвалифицированных иностранца (в 2019 г. эта цифра составила 32 тыс., что ниже, чем в 2014–2015 гг., и лишь ненамного выше, чем в 2013 г.), а среди выходцев из стран СНГ таковых ничтожное количество, что никак иначе как политическое решение трактовать нельзя. С квалифицированными профессионалами ситуация не лучше. Доступа к этой категории с 2015 г. лишены все мигранты из стран СНГ: независимо от образования и профессиональной квалификации они вынуждены оформлять патент, т.е. фактически приравнены к неквалифицированным работникам.

Результаты миграционного перераспределения на внутрисистемном пространстве свидетельствуют о сохранении трендов 2010-х годов: на уровне федеральных округов положительный нетто-прирост по-прежнему имеют только Центральный, Северо-Западный и Южный.

В масштабе страны продолжает действовать западный миграционный дрейф, рейтинги отдающих и принимающих округов не меняются: Дальний Восток по-прежнему показывает нетто-

убыль со всеми другими округами страны, с другой стороны, Центр привлекателен для жителей всех остальных округов, Северо-Запад выигрывает у всех, кроме Центра, и т.д. в соответствии с логикой западного дрейфа, в которой западные и южные территории страны уже десятки лет привлекательнее восточных. Ключевые изменения по сравнению с предыдущим годом связаны со снижением положительного миграционного прироста Центрального и Южного федеральных округов и уменьшением нетто-оттока из Северо-Кавказского, Приволжского и Дальневосточного.

К сожалению, качество данных и изменения в порядке статистического учета, случающиеся с определенной регулярностью, не позволяют выстраивать длинные и аналитически сопоставимые ряды данных, характеризующих межрегиональный миграционный обмен. Мониторинг ситуации ежегодных данных не позволяет сколько-нибудь достоверно судить об изменениях. Тем не менее, если говорить в целом, то можно сформулировать важный вывод: несмотря на изменения в объемах передвижений, центростремительный характер и западный дрейф во внутренней миграции сохраняются и поставленные в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. задачи по снижению диспропорций в размещении населения кажутся трудновыполнимыми.

Как показывает изучение миграционного опыта поколений, именно в XX в. родились россияне, для которых межрегиональная миграция стала чрезвычайно важной, миграционные потоки от центра к окраинам, связанные с колонизацией и освоением пространства Российской империи, начали сменяться на противоположные. Своеобразный «водораздел» проходит по 1940 г. — у поколений, рожденных после этой даты основное направление потоков стало разворачиваться в обратном направлении. Существенный вклад в межрайонную миграцию населения вносили перемещения по направлению «село — город». Но поколения 1965 года рождения и позже уже являются преимущественно городскими по рождению. Таким образом, для новых поколений россиян основным направлением миграции населения с точки зрения типов перемещений становится движение между городами. Можно ставить вопрос о «закате» исторической роли сельско-городской миграции в перераспределении российского населения.